

УДК 316.35

DOI: 10.17223/2312461X/25/4

«ЗДЕСЬ И ТАМ» В МИГРАНТСКИХ ИСТОРИЯХ ВЫХОДЦЕВ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В РОССИИ (СЛУЧАЙ ТОМСКА)*

Сеиль Давлетовна Джанызакова

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного в 2016–2018 гг. исследования планов на будущее выходцев из Кыргызстана в сибирском городе. Автор задает ряд вопросов: где и как видится будущее мигранта и его семьи? могут ли мигранты планировать свое будущее как транснациональное? Поиск и рефлексия ответов на эти вопросы позволяет осуществить антропология миграции, основу которой составляют прикладные исследования и специфическая для этой науки «близость» к своему объекту – мигранту. Основными методами сбора полевых материалов послужили биографические интервью с мигрантами и участвующее наблюдение в одном из частных центров миграционных услуг Томска. Оптикой рассмотрения миграционных процессов, происходящих в городском пространстве, выбран транснациональный подход, через призму которого анализируются повседневные практики, реализуемые «и здесь, и там». Рассматриваются трансграничные связи интервьюируемых в политической, экономической, социокультурной сфере; показано, как данные связи конституируют транснациональное пространство, включающее страну приема и страну отправления. Показаны значение и роль диаспоральных сообществ в формировании транснациональных связей мигрантов с «домом». Выявлено, что нарратив о возвращении на «родину» или же «миф о возвращении» проходит красной нитью через большинство мигрантских историй, оказывая влияние на стратегии будущего.

Ключевые слова: транснациональная миграция, мигрантские истории, выходцы из Кыргызстана, будущее, возвращение

Введение

В настоящее время трансграничные миграции оказывают существенное влияние на трансформацию экономической и социокультурной сферы мирового сообщества, одновременно являясь следствием этих изменений. Глобальная система мироустройства характеризуется мобильностью и гибкостью, что связано с возрастающей ролью свободы и возможности «движения». По всему миру этнические, религиоз-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

ные группы и меньшинства, «специалисты» эпохи глобализации, перемещаясь, меняют окружающий мир и самих себя. Очевидная важность изучения миграций подтверждается и статистикой Организации Объединенных Наций, согласно которой число международных мигрантов в 2017 г. составило 258 млн человек (из них 25,4 млн беженцев). В сравнении с 2000 г., когда их насчитывалось 170 млн, виден значительный рост миграции в масштабе всего мира (Глобальные вопросы...).

Говорить и писать о миграции для российского общества на протяжении последних 20 лет стало делом привычным. Интенсивно обсуждаемое явление представляется важным направлением в отношениях между странами, образовавшимся в результате распада СССР. Миграционные процессы – это актуальная тема для дискуссий в средствах массовой информации и неиссякаемый повод для политических дебатов. В эту полемику включается не только политический истеблишмент и СМИ, активную позицию занимает и научное сообщество, в том числе антропологи и этнологи. В российской антропологии значимыми являются прикладные исследования, специфическая для этой дисциплины «близость» к объекту и комплекс теоретических подходов, применение которых позволяет проанализировать микроуровень миграции. В этой связи в данной работе оптикой рассмотрения миграционных процессов, происходящих на постсоветском пространстве, служит транснациональный подход, а проблемным полем – миграция выходцев из Кыргызской Республики, одной из основных отправляющих стран. Особенность транснациональной «парадигмы» заключается в том, что она объясняет принадлежность мигранта к двум или нескольким сообществам. В первую очередь – это поддержание связей со страной исхода в различных сферах жизнедеятельности и «успешное» существование на территории страны-реципиента. В таком случае государственные границы между Кыргызстаном и Россией существуют только в материальном представлении (пограничные посты, заполнение миграционной карты, проверка документов и багажа). С помощью этого понятия выделяется третье состояние – третье поле пребывания одновременно и «там», и «здесь», когда тот же среднеазиатский житель уезжает на длительное время работать и, фактически, жить в Россию (или в другую страну). Транснационализм представляется достаточно новым подходом в российской науке. В этой связи транснациональная жизнь, присущая современным мигрантам, все еще недооценена отечественными исследователями.

В этом ключе весьма интересным предметом изучения становятся планы на будущее мигранта, поскольку, с одной стороны, временная трудовая миграция перетекает в иммиграцию, с другой стороны, мигрантами сохраняются тесные связи с отправляющим обществом, подкрепляющие стратегию возвращения или «мифа о возвращении»

(Bolognani 2007). Таким образом, транснациональное настоящее создаст фундамент для того, чтобы будущее мигранта разворачивалось в транснациональном пространстве, не схлопываясь в безоговорочную иммиграцию и полное возвращение.

В своем исследовании я опиралась на 15 биографических интервью с выходцами из Кыргызстана, которые были проведены в 2016–2018 гг. Интервьюируемые представляют разные регионы республики, являются выходцами из городской и сельской местностей, имеют разный образовательный уровень и пол. Собранные интервью кодировались и были расшифрованы. Вместе с этим проведено участвующее наблюдение в одном из частных миграционных центров Томске, где в течение года я работала консультантом. Все материалы представлены в полевом дневнике в виде регулярных записей. Поиск респондентов для интервью также осуществлялся благодаря участвующему наблюдению.

Исследовательский вопрос заключается в том, каким видят мигранты свое будущее, намерены ли они остаться в Томске или вернуться на родину, и можем ли мы в этих размышлениях о будущем рассмотреть черты его транснациональности. В этой связи первая часть статьи посвящена обзору транснационализма как подхода для анализа трудовой миграции из Кыргызстана. Во второй части речь пойдет о планах на будущее в транснациональном пространстве, которые выступают лейтмотивом в биографических историях. В завершении я рассмотрю транснациональные практики кыргызстанцев в сибирском городе и их связи с «родиной».

Транснационализм как аналитический подход для изучения миграции из Кыргызстана

Термин «транснационализм» вошел в словарь социальных исследователей в 1970-х гг. Его появление связано, прежде всего, с трансформациями в экономической сфере, где начали доминировать крупные международные компании – транснациональные корпорации и банки. Позднее «транснационализм» переходит в область исследований миграций (Кайзер, Бредникова 2004: 133). Поиск новой оптики рассмотрения еще больше обнажил кризис ранних концепций, где объектом был иммигрант, которому при переезде из одной страны в другую приходилось разрывать связи с «родиной», отказываться от «своих» ценностных ориентиров и поведенческих механизмов (Alba, Nee 1997). При этом предполагалось, что «неофит» вынужден был подвергаться болезненной ассимиляции в новую культуру и языковую среду, что с неизбежностью вело к потере идентификационных установок, связанных с «родным».

Концепция *транснационализма*, получившая известность в 1990 гг. благодаря работам американского антрополога Нины Глик Шиллер

(Nina Glick Shiller) и ее коллег, рассматривается сегодня как аналитическая оптика, способная продемонстрировать процесс структурирования мобильными субъектами новой реальности, позволяющей им одновременно существовать в разных социальных контекстах, разделенных географическим расстоянием (Glick Shiller, Basch, Szanson Blanc 1992: 9). При этом действующим лицом миграции становится *трансмигрант* (Glick Shiller, Basch, Szanson Blanc 1995: 53), поддерживающий многократные отношения в семейной, экономической, социальной, религиозной и политической сферах со страной происхождения, находясь за ее пределами. Трансмигрант продолжает общение с родственниками и земляками по телефону и интернету, переводя денежные средства семье и регулярно возвращаясь «домой» для подтверждения своего статуса члена отправляющего общества: «*В этом году моя племянница выходит замуж, и я поеду к ней на свадьбу. Они даже перенесли ее на две недели, потому что не только я, но и другие родственники приедут из Москвы, Сахалина...*» (из интервью с женщиной из Ошской области, 47 лет). Трансмигрант остается действующим членом того сообщества, к которому принадлежал до миграции, при этом физически не находится постоянно в стране-доноре. В ходе наблюдения было выяснено, что большинство мигрантов откладывают на «черный день» определенную сумму, трата которой связана с «домом». Прежде всего, это смерть близкого родственника, являющаяся непредвиденным событием, которое требует срочного отъезда в страну происхождения. Участие в массовых коллективных пиршествах по случаю тех или иных знаковых событий жизненного цикла – это своего рода обязательство члена данного сообщества и публичное подтверждение социальной полноценности, что напрямую связано с процессом социализации мигранта (Bologani 2007: 61).

Регулярные возвращения домой и цикличность поездок «туда и обратно» дают возможность для обозначения *транснационального пространства*. Обозревая это пространство, мы видим, что люди оказываются в раздвоенном состоянии, когда они становятся «своими» и «чужими», «законными» и «незаконными», «семейными» и «несемейными», «бедными» и «богатыми» и т.д., переключаясь из одного регистра в другой по необходимости (Абашин 2012: 10). Повседневные практики в таких условиях приобретают транснациональный характер, т.е. приспосабливаются к дальним расстояниям, средствам коммуникации, ритмам движения туда-обратно и к смене статусов: «*У кыргызов новости и слухи каждый день. Все равно, хоть ты здесь и живешь, душа там – озун биякта – оюн тиякта* (пер. с кыргызского – ты здесь, а мысли там. – С.Д.). *Всегда в курсе всех новостей, когда праздники, обязательно фотки отправляют*» (из интервью с женщиной из Нарынской области, 32 года).

Оставшиеся «дома» члены семьи также приспосабливают свою повседневную жизнь, ее ритмы к циклам отъезда и возвращения. В отсут-

ствие мигрантов они имитируют и даже консервируют места в социальной иерархии и роли уехавших: *«Сын всегда звонит нам и спрашивает разрешение по каждому поводу. Мы знаем, что он делал вчера, что делает сегодня и что планирует завтра. Мы его родители, он не может не советоваться с нами... Невестка также просит разрешения у меня взять посуду из серванта, когда приходят гости...»* (из интервью с женщиной из Ошской области, 50 лет). Весь этот комплекс стратегий и практик не-мигрантов – тоже часть транснациональной жизни (Faist, Fauser, Reisenauer 2013: 11).

Очевидно, что транснациональность мигрантского настоящего значима для анализа повседневных практик и коммуникаций между обществом отправления и приема. В этой связи актуальным становится изучение стратегий будущего. Миграцию из Кыргызской Республики в российские города можно считать транснациональной, а разнообразные траектории мигрантов укладываются в существующее особое трансграничное пространство, в котором разворачиваются связи и практики.

Мигрантские истории: будущее «там», или Миф о возвращении

Метод интервью дает возможность подробного исследования конкретных жизненных практик, планов и стратегий, которые можно охарактеризовать как транснациональные. Для трансграничной жизни понятия «родина», «дом» и смыслы, которые заложены в них, являются важными факторами в формировании и осмыслении планов на возвращение. При этом реальное возвращение зачастую перерастает в «миф о возвращении», который заключается в построении мигрантом долгосрочных планов, связанных с нынешним местом проживания, а «родина» становится предметом ностальгии (Бредникова 2017: 34). Тогда возвращение становится скорее романтизированным представлением о будущем, чем реальностью.

Транснациональный подход фокусирует внимание исследователя как на повседневных практиках трудовых мигрантов из Кыргызстана в разных сферах их жизни в России, так и на их связях с «домом». Родственные, соседские и дружеские контакты поддерживаются, несмотря на расстояние и государственные границы. Большинство трудовых мигрантов, приехавших за последние 10 лет в Томскую область в целях заработка, имеют близких родственников, которые представляются одним из значимых мотивов миграции в Россию и выбора Томска в качестве места пребывания: *«Я как старший сын должен был что-то делать. А в Томске были родственники по папиной линии, они здесь работали на стройке, на рынке торговали, и они меня позвали сюда. Я согласился и приехал сюда»* (из интервью с мужчиной из Ошской области, 25 лет); *«У меня тут тетя (сестра матери респондента. – С.Д.) училась. Но я точно не знаю, где именно она училась, потом она вышла*

замуж и здесь осталась. Так... Они тут наваривали, жили и развивались, нужна была помощь, потому что они кафеешку открыли. Оттуда родственники начали к ней приезжать и зарабатывать, а потом снова уезжать обратно. Тогда и мама приехала, и нас привезла» (из интервью с женщиной из Джалал-Абадской области, 28 лет).

Родственники, имеющие «удачный» опыт адаптации в России, пригласившие интервьюируемых в Томск на заработки, представляют положительный пример трудовой миграции для «неофитов». Они служат также гарантом, способным обеспечить жилье, работу и помочь в оформлении документов легально, нелегально или полуполюгально: *«Они чаще приезжают из-за родственных связей. Получается так, что человек из села собирается в Россию подзаработать немножко. А здесь у него односельчане, родственники, друзья и сверстники нашли ему работу и звонят: “Приезжай, нашли работу!” Он приезжает и устраивается»* (из интервью с женщиной из Баткенской области, 30 лет).

К характеристикам успешной трудовой миграции обычно относят российское гражданство, стабильный заработок, наличие собственного дела – «этнического» кафе, строительной фирмы, лесопилорамы, киоска по продаже овощей и фруктов, парикмахерской. Эти сферы малого и среднего бизнеса нуждаются в персонале, в качестве которого выступают родственники, друзья, живущие в Кыргызстане. В качестве примера можно привести историю мужчины из Ошской области, который приехал к дяде, владевшему на момент приезда респондента несколькими кафе «восточной кухни» в Томске. После окончания школы он хотел поступить в университет в Бишкеке, чтобы получить диплом юриста. Родители настояли на том, что профессия повара для него более предпочтительна, поэтому он должен отправиться в Россию и работать в кафе у родственника. Практика рекрутирования персонала из страны-донора, осуществляющаяся первопроходцем хорошо описывается в рамках транснациональной «парадигмы», которая направляет внимание исследователя на активную роль тех, кто остался «дома», и перед которыми предприниматель имеет определенные обязательства: *«Мой дядя пригласил очень многих своих племянников и родственников со стороны своей жены. Они все хорошо устроились. Он считает своим долгом помочь нам... Он живет в России уже больше 15 лет, какое-то время жил в Красноярске, а потом переехал в Томск... А почему ему не помогать своим родственникам – мы все на него работаем, мы ему благодарны, и он нам. Мы его не кинем и не обманем, как и он нас»* (из интервью с женщиной из Ошской области, 32 года).

Успешной миграции, кроме помощи родным в предоставлении рабочих мест, характерно улучшение материального состояния трансмигранта «и там, и здесь». Выходцы из Кыргызстана с миграционным прошлым приобретают жилье, в том числе по ипотечному кредито-

нию в Томске, покупают или строят дома в деревне, откуда они родом, или же в ближайшем городе. Женщина из Джалал-Абадской области, приехавшая в 2013 г. на заработки к сестре, встретила земляка в Томске и спустя год после приезда вышла за него замуж. Благодаря тому, что ее супруг является гражданином России, она смогла за полтора года оформить российский паспорт. За это время она родила их первого ребенка, а в 2016 г. второго. На протяжении четырех лет они жили с родственниками мужа в одной из комнат съемной квартиры, а после бюрократической «волокуты» им удалось получить ипотеку, начальным взносом для которой стал материнский капитал, полученный после рождения второго ребенка. Наличие жилья, за которое нужно платить больше десяти лет, не останавливает семью в планировании возвращения на «родину», где у мужа имеется дом, который был унаследован после смерти родителей: *«Я пока не работаю, дома с детьми. Но скоро выйду на работу в пекарню. Мне удобно время, потому что надо в 5 утра испечь пироги, хлеб, а ночью замесить тесто на утро, пока дети спят, и муж уже дома... Мне нужно работать, чтобы мужу помогать. Нам нужно сделать ремонт, чтобы были все условия, когда мы поедem в Киргизию»* (из интервью с женщиной из Джалал-Абадской области, 27 лет). Интервьюируемая рассказывает об условиях в доме «там», жалуясь на его ветхость, отсутствие воды, мебели. На вопрос, а что же будет с квартирой, девушка ответила, что можно ее сдавать землякам или же своим родственникам, которые планируют приехать на заработки в Томск. Продавать квартиру они не хотят по причине того, что не знают, как сложится их жизнь в Кыргызстане, сможет ли муж найти высокооплачиваемую работу. Планы на будущее, по словам интервьюируемой, обусловлены возвращением «домой», но прерывать связи с Томском в силу разных причин, семья не планирует. Супруги сознательно занимаются множественным проектированием с тем, чтобы в меняющихся условиях можно было выбрать приемлемый для себя вариант развития событий (Бредникова 2017). Это проектирование основано на будущем «и здесь, и там». Таким образом, иммиграционная траектория и стратегия интеграции не исключают связей с «родиной», а, напротив, становятся чертой транснационального пространства, скрепленного семейными, родственными, дружескими сетями «вне границ» (Faist et al. 2013: 92).

В целом долгосрочные планы – это дискуссионный для семьи-домохозяйства вопрос, который часто обсуждается «и здесь, и там». Для самого мигранта возвращение и невозвращение – это своего рода дилемма, которая занимает особое место в рассуждениях о будущем, которое настанет через 5–10, а возможно, и 20 лет: **В:** *А где Вы видите свое будущее?* **О:** *Пока не знаю. Тяжелый вопрос, сложно ответить на него. Если посмотреть на родственников, которые живут на родине, хо-*

чется туда, потому что они у себя дома. Они ведут себя, как хотят, разговаривают, как захотят. Например, если идешь по улице и разговариваешь на узбекском, то ничего. Там соседи другие, дружелюбнее, что ли. Если ты приехал, то все знают, что ты приехал, откуда приехал, все здороваются (смеется), а тут такого нет, тут бывает, что сосед своего соседа не знает. Может, мне только так кажется, но не знаю (из интервью с мужчиной из Джалал-Абадской области, 28 лет).

Для молодых людей, приезжающих на заработки, сложность выбора – жить в будущем «здесь» или «там» – вытекает из их интегрированности в принимающее сообщество. Молодое поколение отчетливо воспринимает разницу в заработной плате и в возможностях в двух странах. Они частично или в полной мере принимают нормы поведения и ценностные установки российского общества, а возвращение на «родину» предполагает болезненную, по мнению участников исследования, реинтеграцию в «свое» сообщество: **В:** *А жить планируете здесь?* **О:** *(задумался)... Это сложный вопрос, я очень тщательно об этом не думал и пока не хочу думать. Мне кажется, это одна из основных проблем мигрантов, которые в молодом возрасте приезжают в Россию. Они здесь видят другую жизнь, видят возможности, знают, что могут заработать больше, чем дома, и помочь семье оцутима, когда работают здесь. Да, тяжело в России, работа очень трудная, но все равно, здесь жизнь другая. А если ты привык к этой жизни, то тебе там будет тяжело. Но там наши родители, которые ждут нас, беспокоятся за нас, и, возможно, потому это сложный вопрос...* (из интервью с мужчиной из Ошской области, 25 лет).

Миграция семьи требует от родителей усилий по интеграции в принимающее сообщество. Мигрантская семья – это первичная среда для детей, где практикуются транснациональные связи. Она становится значимым «игроком» транслирования смыслов, заложенных в понятия «дом», «родина», «возвращение», усложняя выбор будущего «или здесь, или там». Дети мигрантов-выходцев из Кыргызстана, которые интегрированы в российское сообщество, воспринимают «родину» как место проведения летних каникул. Однако нередки случаи, когда они выбирают кыргызстанские вузы и переезжают «туда». Девушки, выросшие в России, заключают браки с молодыми людьми в Кыргызстане, реализуя транснациональные практики жизни «и здесь, и там». Так, старшая дочь одного из «старожилов» и активистов местной общественной организации национально-культурной автономии кыргызов, которая родилась в Томске, окончила школу и получила диплом томского вуза, уехала работать в г. Бишкек и там вышла замуж. В данное время молодая семья живет в Кыргызстане.

Таким образом, существование транснационального настоящего, практикуемого интервьюируемыми, дает основание реализации стратегии бу-

дущего по обе стороны государственной границы (Абашин 2015: 133). Транснациональность заключается в том, что и там, и здесь мигранты имеют родственников и друзей, с которыми поддерживают тесные связи, материальная и эмоциональная успешность миграционного опыта также подкрепляют «двойственное» положение мигранта и его семьи.

Связи выходцев из Кыргызстана, находящихся в Томске, с «родиной»

Томская область – регион, исторически сложившийся как переселенческий, куда и сегодня приезжают мигранты, в особенности из государств Центральной Азии, Кавказа и Китая, и где достаточно широко используется труд мигрантов (Нам 2015: 34): **В:** *А почему столько родственников и односельчан у мигрантов в Томске оказалось? О:* (думает) *У меня просто нет здесь родственников. Я думаю, это связано с простотой и с аурой, потому что, находясь в Томске, ты не ощущаешь себя инопланетянином. Допустим, 200 км – Новосибирск, тебе там быстро дадут понять, что ты не местный. В Томске такого значительно меньше. В Томске тоже бывает, но он многонациональный. А еще много студентов из разных стран»* (из интервью с мужчиной из Баткенской области, 30 лет).

Перемещения между Кыргызстаном и Россией создают особое социальное пространство, включающее жизнь «и здесь, и там», которое существует за счет транснациональных связей в политической, социокультурной и экономической сферах жизни мигрантов. В области политики транснационализм проявляется в поддержке мигрантами определенной партийной или чиновничьей элиты в стране-доноре. Проведение полевого этапа исследования совпало с выборами президента Кыргызской Республике осенью 2017 г. Трудовые мигранты, работающие в Томске, принимали участие в голосовании, делились мыслями относительно кандидатов и их программ. Ближайший избирательный участок – вице-консульство Кыргызской Республики в РФ в г. Новосибирске, но расстояние не стало преградой для выполнения гражданского долга. Многие заранее договаривались с работодателем, чтобы отправиться в вице-консульство. «Старожилы» же, имеющие гражданство Российской Федерации, с не менее активным интересом включались в обсуждение предвыборной кампании. Говоря о «старожилах», стоит сказать несколько слов о специфическом положении Томска относительно миграционных «притоков» в страну. Будучи университетским городом, Томск привлекает не только иностранных студентов. На протяжении последних десятилетий Томск можно считать одним из лидеров среди сибирских городов, принимающих трудовых мигрантов (Барышева, Черданцева 2012). Согласно данным переписи 2002 г., здесь

насчитывалось 492 человека, которые отнесли себя к «киргизам». В 2010 г. таковых было уже 1 427 (Нам 2013: 510). Рост числа мигрантов из бывших советских республик сопровождается процессом диаспорализации – формирования сообществ с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации (Дятлов 2007). В Томске с 2003 г. осуществляет деятельность местная общественная организация национальная культурная автономия (НКА) кыргызов (Об автономии... 2019). Взаимная поддержка и кооперация в этническом сообществе основаны на локально-земляческих и родственных связях (Варнавский 2013: 472). Эти коммуникации стимулируют миграционные «потoki» в сибирские города, как было показано выше. «Диаспора» кыргызов становится посредником в адаптации и интеграции временных мигрантов. Национально-культурные автономии и организации представляют признанную властью часть этой системы по обе стороны границы.

Одновременно с этим диаспоральные институты и сообщества (национально-культурные организации, землячества, автономии) представляются одним из мощных механизмов, способствующих функционированию транснационального пространства, в части поддержания социокультурных связей. Деятельность автономии включает такие практики, как приезд религиозных представителей из родной страны, международные выставки национального искусства, выступление кыргызстанских артистов в российских городах, организацию светских и религиозных праздников. В Томске под руководством представителей НКА проходят показы кыргызских фильмов, спектаклей в развлекательном комплексе «Факел», в доме культуры «Авангард». В деятельность автономии входят создание и поддержка вокальных и танцевальных ансамблей, спортивных секций для детей и взрослых. Общественная организация ориентирована на поддержание этнокультурной идентичности кыргызов, живущих в Томске, и связей с «родиной» в комплексе.

С экономической точки зрения, «транснациональность» выражается в отправке денежных переводов семье в Кыргызстан не только на долгосрочные перспективы, иногда заработок мигранта является основной статьей дохода домохозяйства. Финансами, заработанными в миграции, в стране-доноре распоряжаются родственники, но контроль за тратами, ведение подсчетов осуществляются мигрантом, находящимся в России (Абашин 2016: 170). По обе стороны «границы» в области экономических связей активно практикуются трансферы вещей, информации, символов, образов и опыта; с их помощью решаются самые разные задачи. Например, практикуется реализация розничной и оптовой торговли «национальными» продуктами питания: *«Если ты хочешь кумыс, курут или варенье, у меня есть номер одного человека, который приво-*

зит (из Кыргызстана. – С.Д.), и потом можешь у него купить, что захочешь... Зимой и осенью даже яблоки привозит в ящиках. Они вкусные и сочные, а по цене дешевле, чем в магазинах» (из интервью с женщиной из Джалал-Абадской области, 40 лет); «У меня специальная сим-карта Beeline, чтобы звонить на родину. Так дешевле всего. Звоню не только родным, а землякам, которые таксуют туда и привозят специ, узгенский рис, сухофрукты» (из интервью с женщиной из Баткенской области, 29 лет).

Связь с «родиной» осуществляется в том числе за счет создания и использования «точек этнического предпринимательства» в городской инфраструктуре Томска. Такими точками могут служить кафе, где можно попробовать блюда кыргызской, шире «восточной» кухни (так себя позиционируют такого рода досуговые места). Этническая сплоченность среди мигрантов проявляется в общении на родном языке, часто в совместных поисках работы или открытии дела. Объяснить столь тесное общение людей, которых может объединять только общая национальность, можно следующим образом. Одной из важных «точек опоры» для этнических мигрантов становится кухня как элемент национальной культуры. Среднеазиатская кухня заняла свою нишу в сфере общественного питания (Варшава, Рочева 2014: 109), что характерно и для Томска. Следует отметить тот факт, что владельцы, работники и посетители «восточной» кухни не сегрегированы по этническому признаку, напротив, «восточные» кафе являются мультикультурным местом общественного питания, в том числе популярным среди «местных», в особенности студентов.

В Томске более десятка таких кафе, где могут быть проведены не только «посиделки» в кругу друзей, но и свадьбы, юбилеи, дни рождения. Одна из часто упоминаемых «точек» в интервью – это кафе восточной кухни «Бай казан», где возможно проведение банкетов до 30 человек. Другим популярным местом досуга мигрантов является сеть кафе «Ош», получившая свое название от второго по величине города Кыргызстана, центра Ошской области и «южной столицы» республики.

Отсюда следует, что политические, социально-экономические, религиозные связи с «родиной» выходцев из Кыргызстана, находящихся в Томске, осуществляются, кроме личных контактов, с родными и близкими, за счет деятельности НКА в г. Томске. Национально-культурная автономия активна в поддержании связей с Кыргызстаном за счет культурной деятельности. Кроме того, такие элементы этнокультурной идентичности, как национальная кухня, подкрепляют транснациональную практику повседневных практик настоящего.

Заключение

Очевидно, что у мигрантов есть и могут быть совершенно разные планы на будущее. Трудовые мигранты и россияне с миграционным прошлым мобильны; неоднозначно они видят будущее свое и семьи – «или здесь, или там», «и здесь, и там». Миграционный сценарий «и здесь, и там» укладывается в видение жизни мигрантов в русле транснационального подхода и проявляется в поддержании связей с «домом», в том числе в политической, социокультурной и экономической сферах повседневности мигрантов. Они остаются действующими членами того сообщества, к которому принадлежали до миграции. При этом они физически не находятся постоянно в стране-доноре. Соглашусь с выводом С.Н. Абашина о том, что в модели транснационализма самовоспроизводящийся и постоянный характер обретает как раз мобильность. Отдельные участники транснациональной миграции могут со временем навсегда остаться в стране приезда, другие – вернуться, но сама эта миграция, обязательно предполагающая регулярные поездки и жизнь «здесь и там», продолжается, захватывая все новых и новых людей» (Абашин 2016: 174). Планирование будущего вытекает из той биографической ситуации, в которую помещен мигрант, одновременно с этим оно специфично, что связано с высокой степенью неопределенности его положения: нестабильные, постоянно меняющиеся условия, в которых мигрант находится, заметно влияют на его действия (Бредникова 2017: 42).

В настоящей работе рассмотрены трансграничные связи интервьюируемых в политической, экономической, социокультурной сфере, которые успешно реализуются и в России, и в Кыргызстане. Было показано, как эти связи конституируют транснациональное пространство. Заметна роль диаспоральных сообществ в формировании транснациональных связей мигрантов с «домом». В этой связи политические, социокультурные и экономические контакты кыргызстанцев в Томске со страной отправления поддерживаются за счет личных контактов с родными и близкими деятельностью общественной организации НКА кыргызов в г. Томске.

Выявлено, что нарратив о возвращении на «родину» или же «миф о возвращении» проходит красной нитью через большинство мигрантских историй, оказывая влияние на стратегии будущего. Вместе с тем возвращение может быть реальной практикой или же романтизированным представлением о том, что человек вернется навсегда.

Таким образом, существование транснационального настоящего, практикуемого интервьюируемыми, является фундаментом для будущего по обе стороны государственной границы. Транснациональность заключается в том, что и там, и здесь мигранты имеют родственников и

друзей, с которыми поддерживают тесные связи, материальная и эмоциональная успешность миграционного опыта также подкрепляет трансграничность положения мигранта и его семьи.

Литература

- Абашии С.Н.* Среднеазиатская миграция: практики, лояльные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
- Абашии С.Н.* Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 125–165.
- Абашии С.Н.* И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 159–176.
- Барышева Г.А., Черданцева И.В.* Миграционные процессы в период инновационных преобразований в экономике региона // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 16–20.
- Бредникова О.Е.* Не(возвращение): могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 32–47.
- Варнаевский П.К.* Кто этнизирует мигрантов: принимающее сообщество или они сами? Институционализация мигрантского сообщества на примере выходцев из Кыргызстана в Улан-Удэ // Переселенческое сообщество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / под ред. В.И. Дятлова, К.В. Григоричева. Иркутск: Отгиск, 2013. С. 466–492.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л.* Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 3 (121). С. 104–114.
- Глобальные вопросы повестки дня. Миграция // Организация Объединенных Наций – официальный сайт. URL: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/index.html> (дата обращения: 03.02.2019).
- Об автономии // Местная общественная организация кыргызов в г. Томске – официальный сайт. URL: <http://tomsk.kyrgyz.ru/sample-page/> (дата обращения: 12.09.2019).
- Дятлов В.И.* Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // *Demoscope Weekly*. 2007. № 271–272. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php> (дата обращения: 12.05.2018).
- Кайзер М., Бредникова О.Е.* Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. С. 133–146.
- Мещеркина Е.Ю.* Памяти П. Бурдье. Биографическая иллюзия // *ИНТЕР*. 2002. № 1. С. 75–84.
- Нам И.В.* Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области) // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / под ред. В.И. Дятлова, К.В. Григоричева. Иркутск: Отгиск, 2013. С. 492–522.
- Нам И.В.* Новые этнические группы (диаспоры) в г. Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 33–43.
- Alba R., Nee V.* Rethinking assimilation theory for a new era of immigration // *International migration review*. 1997. No. 31 (4). P. 826–874.
- Bolognani M.* The Myth of return: dismissal, survival or revival? Broadford example of transnationalism as a political instrument // *Ethnic and Migration Studies*. 2007. Vol. 33, № 1. P. 59–76.
- Faist T., Fauser M., Reisenauer E.* Transnational migration. Cambridge: Polity Press, 2013.
- Glick Shiller N., Basch L., Szanson Blanc C.* Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration // *Annals of New York Academy of Science*. 1992. P. 1–21.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. 1995. № 68 (1). P. 48–63.

Статья поступила в редакцию 8 июля 2019 г.

Dzhanyzakova Seil D.

THE 'HERE' AND 'THERE' IN KYRGYZ MIGRANT STORIES: THE CASE OF TOMSK, RUSSIA*

DOI: 10.17223/2312461X/25/4

Abstract. The article discusses Kyrgyz migrants' future plans, which were the focus of a study conducted from 2016 to 2018 in the Siberian city of Tomsk. Drawing on scholarship in the anthropology of migration, and through biographical interviews and participant observation at one of the city's private migration service centres, the author explores the vision the Kyrgyz migrants have for their own future and the future of their families, and whether they see this future as transnational. The transnational approach was used to analyse the practices in the migrants' everyday life both 'here' and 'there'. Further, their cross-border political, economic, and socio-cultural ties are examined, and it is shown how these constitute the transnational space encompassing both the host country and the country of origin. The article also looks into the role diasporic communities play in the formation and maintenance of such ties, and concludes that the narrative of homecoming or the 'myth of return' is the central element in the majority of migrant stories which shapes migrant strategies for the future.

Keywords: transnational migration, migrant stories, natives of Kyrgyzstan, future, return.

* The study is conducted with financial support from the Russian Science Foundation (RNF) under the research project No.18-18-00293, titled: 'The use and development of urban infrastructures by migrants in Siberian cities'.

References

- Abashin S.N. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, loial'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian migration: Practices, local communities, and transnationalism], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 4, pp. 3–13.
- Abashin S.N. Vozvrashchenie domoi: semeinye i migratsionnye stsenarii v Uzbekistane [Returning home: Family and migration scenarios in Uzbekistan], *Ab Imperio*, 2015, no. 3, pp. 125–165.
- Abashin S.N. I zdes', i tam: transnatsional'nye aspekty migratsii iz Tsentral'noi Azii v Rossiiu [Both here and there: transnational aspects of migration from Central Asia to Russia]. In: *Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: transgranichnye migratsii i diaspori* [East in the East, in Russia and in the West. Cross-border migrations and diasporas]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2016. S. 159–176.
- Barysheva G.A., Cherdantseva I.V. Migratsionnye protsessy v period innovatsionnykh preobrazovaniy v ekonomike regiona [Migration in the era of innovative reforms], *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 2012, Vol. 321, no. 6, pp.16–20.
- Brednikova O.E. Ne(vozvrashchenie): mogu li migranty stat' byvshimi? [The (non-)return: Can migrants become former migrants?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 3, pp. 32–47.
- Varnavskii P.K. Kto etniziruet migrantov: prinimaiushchee soobshchestvo ili oni sami? Institutsionalizatsiia migrantskogo soobshchestva na primere vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Ulan-Ude [Who ethnicises migrants: the host society or migrants themselves? The institutionalisation of migrant communities: the case of Kyrgyz migrants in Ulan-Ude]. In:

- Pereselencheskoe soobshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [The resettled population of the Asian Russia: migrations, spaces, and communities at the turn of the 19th to 20th and of the 20th to 21st centuries]. Ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: «Ottisk», 2013, pp. 466–492.
- Varshaver E.A., Rocheva A.L. Soobshchestva v kafe kak sreda integratsii inoetnichnykh migrantov v Moskve [Café communities as an environment for the ethnic integration of migrants in Moscow], *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, 2014, no. 3(121), pp. 104–114.
- Global'nye voprosy povestki dnia. Migratsiia [Global issues on the agenda. Migration], *The United Nations official website*. Available at: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/index.html> (Accessed 3 February 2019).
- Ob avtonomii [On autonomy], *Mestnaia obshchestvennaia organizatsiia kyrgyzov v g. Tomske – ofitsial'nyi sait* [The Kyrgyz Association in Tomsk]. Available at: <http://tomsk.kyrgyz.ru/sample-page/> (Accessed 12 September 2019).
- Diatlov V.I. Migratsii, migranty, «novye diaspori»: faktor stabil'nosti i konflikta v regione [Migrations, migrants, and 'new diasporas': a factor of stability and conflict in the region], *Demoscope Weekly*, 2007, no. 271–272. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php> (Accessed 12 May 2018).
- Kaizer M., Brednikova O.E. Transnatsionalizm i translokal'nost' [Transnationalism and translocality]. In: *Migratsiia i natsional'noe gosudarstvo* [Migration and the nation state]. St. Petersburg, 2004, pp. 133–146.
- Meshcherkina E.Iu. Pamiati P. Burd'e. Biograficheskaia illiuziia [Dedicated to the memory of P. Bourdieu. Biographical illusion], *INTER*, 2002, no. 1, pp. 75–84.
- Nam I.V. Natsional'no-kul'turnaia avtonomiia kak sovremennaia forma samoorganizatsii etnicheskikh soobshchestv (na primere Tomskoi oblasti) [National-cultural autonomy as a contemporary form of ethnic organisation: the case of Tomsk region]. In: *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [The resettled population of the Asian Russia: migrations, spaces, and communities at the turn of the 19th to 20th and of the 20th to 21st centuries]. Ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: «Ottisk», 2013, pp. 492–522.
- Nam I.V. Novye etnicheskie gruppy (diaspori) v g. Tomske ['New' ethnic groups ('diaspora') of Tomsk], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2015, no. 5(37), pp. 33–43.
- Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration, *Inter-national migration review*, 1997, no. 31(4), pp. 826–874.
- Bolognani M. The Myth of return: dismissal, survival or revival? Broadford example of transnationalism as a political instrument, *Ethnic and Migration Studies*, 2007, Vol. 33, no. 1, pp. 59–76.
- Faist T., Fauser M., Reisenauer E. *Transnational migration*. Cambridge: Polity Press, 2013.
- Glick Shiller N., Basch L., Szanson Blanc C. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration, *Annals of New York Academy of Science*, 1992, pp. 1–21.
- Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration, *Anthropological Quarterly*, 1995, no. 68(1), pp. 48–63.